

«Душа останется. А как же!»

Из разговора Леонида Филатова с земляком-ашхабадцем

Мир за неделю. — 1999. — 4-11 дек. — 9. 11

Владимир ЗАРЕМБО

Трибуна. Подписной индекс 50109

Ашхабад. Осень. Тридцать лет назад. В том далеком 1969-м я заканчивал десятый класс, мечтал стать журналистом и в свободное время торчал в молодежной газете «Комсомолец Туркменистана», рылся в подшивке. Помню, напал на подборки стихов за подписью «Леня Филатов, 16 лет». Они меня тогда поразили чем-то... настоящим, что ли, не ученическим.

Москва, 1999 год. Я давно живу в другой стране — и вот приехал в столицу на две недели погостить. В Мосгорсправке узнал адрес и телефон Филатова. Звоню. Мне отвечают, что Леонид Алексеевич сейчас нет в Москве, он отдыхает в Барвихе. Звоню туда. Трубку взяла жена, Нина Шацкая. «Леня не очень хорошо себя чувствует. Впрочем, подождите, я его спрошу. Леня, — крикнула она в комнату, — тут товарищ из Ашхабада спрашивает, можно ли с тобой встретиться?. И спустя минуту: «Хорошо, мы послезавтра возвращаемся в Москву, приходите».

— Леонид Алексеевич, только в этом году у вас вышло сразу две книги. Как это вам удается?

— Писать? А я же ничем другим не занимаюсь. В Барвихе я провел почти полгода, и, кстати, эти две книги диктовались там. Последние несколько лет я делаю такие стихотворные пьесы, что называется, «по мотивам». Правда, мотивов там почти не осталось, одна атрибутика. Так вышли народная комедия «Лизистрата» по Аристофану, авантюрная комедия «Возмутитель спокойствия» по роману Леонида Соловьева, трагический фарс «Опасный, опасный, очень опасный» по роману Шодерло де Лакло «Опасные связи» и другие.

— Сколько часов в день вы работаете?

— По-разному, зависит от самочувствия. Неохота говорить о болезни, короче, мне сделали две операции: одну почку удалили, другую подсадили. Через день я прохожу гемодиализ, езжу на другой конец города в Институт трансплантологии и искусственных органов. В течение трех часов из меня выкачивают всю кровь, чистят и загоняют обратно.

— Леонид Алексеевич, приходят письма, звонки от ваших читателей?

— Нет, ведь я на сцену уже не выхожу много лет...

— Звонков много, — говорит Нина Шацкая, — люди звонят, беспокоятся о здоровье.

— Нина, Леонид Алексеевич сильный человек?

— Сильный, — ответила жена.

— Слабый, — возразил Филатов. — Я терпеливый, но слабый.

— Каков ваш главный жизненный принцип?

— Не знаю, не задумывался. Есть заповеди, которых нужно

придерживаться: не воруй, не предавай, не убивай.

— Тяжелая болезнь, операции... Что или кто, кроме врачей, помогает вам выжить?

— Жена в первую очередь, мама, друзья. Мама живет в Москве, а папа умер давно, похоронен в Ашхабаде.

— Кто ваши друзья?

— Володя Качан, Миша Задорнов, Саша Розенбаум, Леонид Ярмольник, гениальный художник Давид Боровский.

— Леонид Алексеевич, если уж речь зашла о живых и мертвых, то как обстоят дела с передачей «Чтобы помнили»? Вы будете вести ее?

— Я ее и не бросал. Правда, после операции принимать полноценное участие в передаче я уже не могу, монтаж проходит без меня, мы только обговариваем детали с режиссером. Но передачу вести буду.

— Вы следите за театральной жизнью Москвы?

— Ну бывает, когда, например, шумная премьера, тем более с моими товарищами связанная. Вот Володя Машков поставил в Театре «Сатирикон» у Кости Райкина спектакль «Трехгрошовая опера» по Брехту. Я кое-как собрался, приехала жена Лени Ярмольника и отвезла меня. Недавно был на концерте Саши Розенбаума. Такие выходы в свет у меня бывают, конечно, редко. Нужна какая-то аттестация со стороны известных людей, чтобы заставить меня подняться. В кино есть молодые интересные режиссеры — Дима Месхиев, Александр Рогожкин. Стыдно признаться, но я до сих пор не видел «Сибирского цирюльника». Никита сказал: «Как только будет кассета, я тебе пришлю».

— Я видел российские фильмы, которые в рейтингах заняли высокие места. Честно говоря, ни один меня не потряс, не заставил сопереживать. Исчезли душевность, легкость, юмор, а порой и просто мысль. Артисты неплохие, а вот сценарии...

— Профессионалов не хватает. Тянемся к Голливуду, где кругом профессионалы, все на зарплате. А здесь полубесплатно, в спешке, в нужде. Да и нет крепких умельцев. Остались старые мастера, например Данелия, но его последние фильмы, к сожалению, далеки от уровня «Мимино», «Не горюй». Ну и Михалков. Он как бы номер один сегодня в российском кинематографе. Есть Андрей Кончаловский, Владимир Хотиненко, Алексей Герман. Правда, своего «Хрусталева» он делал восемь лет. Но Герман — человек не сворачивающий. Его расстроить легко, но вывести из колеи трудно. Сейчас он затевает картину по Стругацким «Трудно быть богом». Совершенно не его как бы дело, но вот взялся делать такую фантастическую феерию.

— Кстати, о фантастике и о фэриях. Ваше пристрастие к сказкам, с чего оно берет начало?

— С детства. Мне кажется, что сказка, вообще любое притчевое

произведение при минимуме сюжетных ходов и поворотов может изменять мир. Взял, например, и превратился в кого-то или дворец построил. Русский фольклор, он весь как бы паразитологический. Илья Муромец, пролежавший на печи 30 лет, или Иванушка-дурачок, который вообще ничего не делал, и так далее, но зато в русских сказках добро всегда торжествует.

— «Добро торжествует»... Почему же вам было ниспослано такое испытание, несовместимое с заслугами?

— Человек не должен считать, что он что-то из себя представляет. Не знаю, может быть, я слишком увлекся как бы клоунской деятельностью, слишком долго был артистом, а миссия у меня другая — вот и поправили в этом смысле...

Говорят, Бога чувствуешь, когда беда, не на что больше надеяться. Вот тогда ты вызываешь его на разговор. И хотя он тебе ничего не объясняет, создается ощущение покоя, и начинаешь понимать, что если ты уйдешь, то уйдешь не навсего.

— Останется душа?

— А как же! Любая религия предполагает бессмертие души.

— Ваш фильм «Свобода или смерть» остался незавершенным. Вы собираетесь его заканчивать?

— Теперь уже нет. Беда в том, что я там в главной роли. В инвалидной коляске я мог бы его закончить, если бы сам не появлялся в кадре. К тому же кое-кто умер, героиня уехала в Австрию, стала баронессой. Не выписывать же баронессу из Австрии.

— Может быть, позже можно будет заново снять?

— Нет, все уходит, появляются другие заботы. Сейчас я пишу сценарий, который будет называться «Бесаме».

— О чем он, если в двух словах?

— Можно в одном: о любви. О любви сумасшедшей, о такой, какой не бывает. Кстати, рабочее название было «Последний свихнувшийся на почве любви», но поскольку было много «последних» — «Последний из могикиан», «Последний бойскаут», «Последний девственник»... Так что название я изменил.

— Леонид Алексеевич, кто вас знает, восхищается вашей выдержкой. Вы не сдаетесь, работаете, хотя многие в подобной ситуации опускают руки...

— Что ж, не хочешь жить — вбивай крюк в потолок. К тому же в этом государстве не очень-то побудешь инвалидом — не на что. Пять лет я провел, как говорят врачи, ближе к смерти. Я люблю жизнь, но не хочу, чтобы ко мне относились с сочувствием и жалостью, как к калекке. Хочу, чтобы меня воспринимали как нормального человека, хотя понимаю, что это уже трудно сделать. Но сегодня я ближе к жизни, чем наоборот. Сейчас я еще не в лучшем виде, но слава Богу, он не отнял у меня разум. Это главное. Как сказал Пушкин: «Не дай мне Бог сойти с ума...» Самое жуткое, что может быть, это жить без башки.